

Александр Степанович Грин

Маленький комитет

Александр Степанович Грин

Маленький комитет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=569605

Аннотация

Комитет состоит из одной девушки... Всех остальных посадили...

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	8

Александр Степанович Грин Маленький комитет

I

Геник приехал поздно вечером и с вокзала отправился прямо на явочную квартиру.

Его интересовала мысль: получено ли письмо о его приезде? Правда, он чуть-чуть поторопился, но в крайнем случае некоторые сакраментальные слова должны были выручить из затруднения. Вообще формалистику долой! Дело, дело и дело!

Этот большой город, сквозивший разноцветными огнями, шумный, пышущий неостывшим жаром каменных стен, взволновал его и наполнил боевым, трепетным настроением. Правда, это значило только, что Генику двадцать лет, что он верит в свои организаторские таланты и готов померяться силами даже с Плехановым. А романтическое и серьезное положение «нелегального» заставляло его еще плотнее сжимать безусые губы и насильно морщить гладкий розовый лоб. Кто думает, что он, Геник, еще «зеленый», тот ошибается самым роковым образом. Люди вообще имеют скверную

привычку считать возраст признаком, определяющим опытность человека. Но здесь этого быть не может. Раз он приехал с специальными поручениями укрепить и поправить дело, подкошенное частыми провалами, ясно, что на лице его лежит некоторая глубокомысленная тень. Тень эта скажет сама за себя, коротко и ясно: «Опытен, отважен, хотя и молод. Зачем вам усы? И без усов все будет прекрасно...»

Такие и похожие на них мысли прекратились вместе со стуком извозчичьих дрожек, доставивших Геника туда, куда ему нужно было попасть. Он вынул тощий кошелек, заплатил вознице и, поднявшись в третий этаж, нажал кнопку звонка.

Дверь отпер молодой человек с угрюмым и непроницаемым выражением лица. Не глядя на Геника, он повернулся к нему боком и, смотря в пол, холодно ответил на вопрос приезжего:

– Да, Варвара Михайловна живет здесь. Вот идите сюда, направо... еще... потом... и – вот сюда!

Он провел Геника по коридорчику и распахнул двери небольшой темной комнаты.

– А где же она? – сказал Геник, с недоумением смотря в темноту и не решаясь войти. – Быть может, скоро придет?

Юноша ничего не ответил на это, но, видя затруднение Геника, прошел вперед, зажег лампу на маленьком столике у стены и, по-прежнему боком, не глядя на посетителя, двинулся к выходу. Геник нерешительно спросил:

– Может быть, она... по делу ушла, товарищ?

Свирепый и подозрительный взгляд, исподлобья брошенный юношей, ясно дал почувствовать Генику неловкость своего вопроса. В самом деле, разве он знает, кто такой Геник? Оставшись один, приезжий с наслаждением растянулся на коротком диванчике и стал разглядывать комнату.

Здесь стояло два стола, один круглый, с цветной скатертью, – у дивана, другой, письменный, – у стены. На нем лежали книги, брошюры, разный бумажный хлам, блокноты, «нелегальщина». На светлых обоях смотрели пришпиленные булавками Бакунин¹, Лавров², террористы и Надсон. В углу, у шкафа, белела кровать снежной чистоты, закрытая пикейным одеялом. Нигде ни пылинки, все прибрано и аккуратно.

– Вот явочная квартира, – сказал себе, усмехаясь, Геник. – Идиоты! Они совсем потеряли голову из-за провалов. Явочная квартира у комнатного жильца – что может быть нелепее? Как только познакомясь с местным комитетом, сейчас же обращу на это внимание. Явка должна быть там, где ходит много народа. Например: зубной врач, адвокат, библиотека... Эх! И отчего это мне так хочется есть?

Он внимательно обвел взглядом комнату, но нигде не было даже малейших признаков съестного. Это еще более разо-

---

¹ Бакунин М.А. (1814–1876) – русский революционер, идеолог анархизма и народничества.

² Лавров П.Л. (1823–1900) – русский социолог и публицист, теоретик революционного народничества.

згло в Генике желание съесть что-нибудь и во что бы то ни стало. Он поднялся, порылся на окнах, в столе, но там не оказалось даже крошек.

– Если бы она была кисейная барышня, – сказал себе Геник, – то и тогда не могла бы питаться лунным светом. Сказано: «ищите и обряцете»!

Он походил немного взад и вперед, грызя ногти, потом решительно отворил нижнее отделение шкафа и вздрогнул от удовольствия: там лежали четыре яйца в бумажном мешочке, грецкие орехи, две груши. Груши исчезли, как сладкое воспоминание, но яйца оказались сырыми, и поэтому Геник сперва поморщился, а потом решительно разбил их и выпил, без соли, в один момент. Голод, однако, продолжал еще глухо ворочаться и брюзжать в желудке. Недовольный Геник уселся на полу и стал дробить орехи, ущемляя их дверцей шкафа.

– Конечно, – рассуждал он вслух, – я совершаю некоторое преступление. Но что такое частная собственность?

II

Треск раскалываемых орехов заглушил шаги девушки, вошедшей в комнату. Сначала она сконфуженно остановилась, затем покраснела и сказала:

– Ах, кушайте, пожалуйста! Я терпеть не могу орехов!

Геник вскочил с полным ртом, побагровел от мучительного усилия проглотить ореховую кашу и поклонился. Существо, стоявшее перед ним, ободрительно улыбнулось и сняло шляпу с маленькой русой головы. Геник протянул руку, бормоча:

– «Поклон от Карла-Амалии Грингмута».

– И вам «от князя Мещерского», – ответила девушка. – Да вы садитесь, пожалуйста! Конечно, не на пол, – рассмеялась она, – а вот сюда хоть, что ли! Вы давно приехали?

Говоря это, она прошлась по комнате, бросила взгляд на письменный стол, села против Геника и устремила на приезжего утомленные голубые глаза. Геник окинул взглядом ее маленькую, хрупкую фигурку и решил, что надо «взять тон».

– Приехал я недавно, сейчас, – сказал он протяжно, подымая брови, точь-в-точь так, как один из его знакомых «генералов». – Но прежде всего простите меня за то, что я съел у вас яйца и груши: я был голоден, как сто извозчиков.

– Ну, что за пустяки! – проводя рукой по лицу и глубоко вздыхая, сказала девушка. – Вот я вас попозже отправлю но-

чевать к одному товарищу из сочувствующих. Он богатый и угостит вас отличным ужином.

– Я приехал сейчас, с вечерним поездом, – продолжал Генник. – А что, в комитете получено письмо обо мне?

– Да, я получила это письмо, – задумчиво произнесла девушка. – Вы, значит, приехали устраивать?

– Да, – важно сказал Генник, вспомнив слова одного областного, – знаете, периферия всегда должна звучать в унисон с центром. А здесь, как нам писали, нехватка работников. Поэтому-то я и поторопился к вам, в надежде, что вы меня сегодня же сведете с каким-нибудь членом комитета, и мы выясним положение. Так нельзя, господа! Это не игра в бирюльки.

Он уже совершенно оправился от смущения и взял небрежно-деловую интонацию. Девушка улыбнулась.

– Вы давно работаете?

Генник вспыхнул. Проклятые усы, и когда они вырастут?

– Я думаю, что это не относится к делу, – нахмурился он. – Итак, как же мы будем с членом комитета?

– Ах, простите, – застенчиво извинилась девушка, кусая улыбающиеся губки, – я вас спросила совсем не потому, что... а просто так. А с членом комитета – уж и не знаю. Они ведь все в тюрьме.

Генник подскочил от удивления и опешил. Этого он ни в каком случае не ожидал.

– Как – в тюрьме? – растерянно пробормотал он. – А я

думал...

– Да уж так, – грустно сказала девушка. – Вот уже три недели. А я прямо каким-то чудом уцелела. И, представьте, одно за другим: типография, потом архив, потом комитет.

– Но что же, что же осталось? – допытывался Геник.

– Что осталось? Осталась печать... и потом – гектограф. Кружки рабочие остались.

В ее усталых больших глазах светились раздумье и нетерпение. Утомление, как видно, настолько одолевало ее, что она не могла сидеть прямо и полулежала на столе, подпирая голову рукой. Геник смутился и взволновался. Ему показалось, что эта крошка смеется над ним или, в лучшем случае, желает отделаться от не внушающего доверия «устроивателя». Но, поглядев пристальнее в голубую чистоту мягких глаз девушки, он быстро успокоился, чувствуя как-то внутренне, что его опасения излишни.

– Так что же, – спросил он, закуривая папироску и снова невольно приосаниваясь, – вы, значит, не работаете, товарищ?

Девушка шире открыла глаза, очевидно, не поняв вопроса, и встряхнула головой, с трудом удерживаясь от зевоты.

– Я страшно устала, – тихо, как бы извиняясь, сказала она, – и больше не могу. Поэтому-то я и написала вам. У меня ведь адреса были... и все. Ожидая обысков, мне передали.

– Я ничего не понимаю, – с отчаянием простонал Геник, ероша волосы и чувствуя, что потеет. – Мы получили письмо

от комитета здешнего...

– Да, да! – с живостью воскликнула девушка. – Это же я и написала, как будто от комитета; разве вы не понимаете? Ведь комитета же нет!

Геник облегченно вздохнул. Он понял, но тем не менее продолжал сидеть с вытаращенными глазами. И, наконец, через минуту, улыбаясь, спросил:

– И печать приложили?

– И печать приложила. Я, может, виновата, знаете, во всем, но иначе я не могла, уверяю вас, я не вру... Ведь они мне ничего не давали, ну, понимаете, решительно ничего не давали... А я все на побегушках да разная этакая маленькая чепуха... А когда они сели...

Она оживилась и выпрямилась. Теперь глаза ее блестели и сияло лицо, как у ребенка, довольного своей хитростью.

– Когда они сели, я была как пьяная... и долго... пока не устала. С утра до вечера вертисься, вертисься, вертисься... Восемь кружков, ну, я их разделила по одному в неделю и... мы очень хорошо и приятно разговаривали... А потом, понимаете, чтобы полиция не возгордилась, что вот, мол, мы всех переловили, я стала на гектографе... А теперь я уж не могу. Ночью вскакиваю, кричу отчаянным голосом... Господи, если бы я была мужчиной!

Она вздохнула, и печальная тень легла на ее светлое лицо. Потом смешные и милые морщинки досады выступили между тонких бровей. Геник смотрел на нее и чувствовал,

что лицо его неудержимо расплывается в заботливую улыбку. Помолчав немного, он спросил:

– А потом написали в «центр»?

– Да... Ну, конечно, вы понимаете, не могла же я уж сама, кто меня знает? А когда получается письмо от комитета, это совсем другое дело...

Но Геник уже не слушал ее. Он хохотал, как одержимый, закрывая руками прыгающий рот, хохотал всем нутром, всем заразительным весельем молодости. Минуту спустя в комнате было уже двое хохочущих людей, позабывших усталость, опасности и темное, жуткое будущее... И один был серебристый и ясный смех, а другой – бурный и неистовый.

Потом усталость и заботы взяли свое. Девушка сидела молча; голубой взгляд ее скрашивал черную ночь, стоявшую за окном. Геник поборолся еще немного с сонливостью и сказал:

– Так вы отведете меня к буржую?

– Нет, – встрепенулась она. – Я расскажу вам. Вы найдите сами. Я не могу, простите... Я разбита, вся разбита, как ломовая лошадь.

На другой день вечером Геник сел писать подробнейшую репликацию в «центр». Между прочим, там было написано и следующее:

«Комитет ходит в юбке. Ему девятнадцать лет, у него русые волосы и голубые глаза. Очень маленький комитет».

У Геника, видите ли, была юмористическая жилка.